

Несториане при дворе великого хана по сведениям Гильома де Рубрука

София Евгеньевна Костокрызова

Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета

кооперации, г. Казань, Россия

kostogryzova91@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7572-6621>

Аннотация. Цель исследования: выявить данные записей французского посла Гильома де Рубрука о несторианах при дворе верховного правителя Монгольской империи Мункэ-хана. Материалы исследования: трактаты «Путешествие в восточные страны» Гильома де Рубрука, «История монгалов, именуемых нами татарами» Иоанна де Плано Карпини, «Памятники минувших поколений» Бируни Абу Райхана, «Путешествие по Святой земле» Рикольдо да Монтекроче, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина. Результаты и научная новизна исследования: в статье рассматриваются сведения латинского источника середины XIII в. Монгольская империя и улусы Чингизидов, образовавшиеся после ее распада, являлись многоконфессиональными государствами, где до определенного времени действовала политика веротерпимости. Религиозная политика Монгольской империи и Чингизидских государств в целом и распространение ислама и ряда христианских течений (григорианства, католицизма и православия) хорошо изучены, однако малоисследованной темой остается несторианство, или восточносирийское христианство, в монгольскую эпоху. На основе критического анализа источника выявляются данные о территориях распространения несторианства, влиянии среди знати и чиновников.

Ключевые слова: несториане, восточносирийское христианство, Монгольская империя, тюрко-монгольские народы, уйгуры, религиозный синкретизм

Original article

Nestorians at the Court of the Great Khan According to William of Rubruck

Sofia E. Kostogryzova

Kazan Cooperative Institute (branch), Russian University of Cooperation, Kazan, Russia

kostogryzova91@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7572-6621>

Abstract. The purpose of the study is to identify data from the records of the French Ambassador William of Rubruck about Nestorians at the court of the supreme ruler of the Mongol Empire, Möngke Khan. The source base of the research includes the treatises “The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts” by William of Rubruck, “The Story of the Mongols Whom We Call the Tartars” by Giovanni da Pian del Carpine, “The Remaining Signs of Past Centuries” by Abu Rayhan al-Biruni, “The Journey through the Holy Land” by Riccoldo da Monte di Croce, “The Compendium of Chronicles” by Rashid al-Din. The article examines evidence from a mid-13th-century Latin source. The Mongol Empire and the Genghisid uluses, which were formed after its collapse, were multi-religious states where, until a certain time, a policy of religious tolerance was in effect. While the religious policy of the Mongol Empire and the Genghisid states, as well as the spread of Islam and several Christian traditions (Gregorian, Catholic, and Orthodox), have been studied in considerable detail, Nestorianism — or East Syriac Christianity — during the Mongol period remains comparatively under-researched. Based on a critical analysis of the sources, data on the geographical distribution of Nestorianism and its influence among the nobility and officials are revealed.

Keywords: Nestorians, East Syriac Christianity, Mongol Empire, Turkic-Mongolian peoples, Uighurs, religious syncretism

Введение

Монгольская империя, охватившая обширные территории, стала государством, где получили распространение все мировые религии. Это включало в себя и значительное число христианских течений, актуальных для эпохи Высокого Средневековья. Наиболее часто встречающиеся в источниках сведения о присутствии христианства среди тюркоязычного и монголоязычного населения империи, будь то кочевые племенные объединения (кереиты, онгуты, найманы и др.) или оседлые земледельцы (турфанские уйгуры и часть онгутов), указывают на преобладание восточносирийского христианства (несторианства) среди других течений данной мировой религии.

Учение Сирийской церкви Востока, основанное на вере в двойственную природу Иисуса Христа (две кномы, или ипостаси), зародилось в Передней Азии. В Раннее Средневековье оно распространилось в Центральной Азии, где его приняли как группы оседлых, так и кочевых народов. Ко второй половине XIII в. большая часть территорий проживания несториан оказалась в составе Монгольской империи. Важную роль в укреплении позиций восточносирийских христиан в политике и культуре империи сыграла религиозная терпимость, характерная для правителей из династии Чингизидов.

Анализ

Гильом де Рубрук стал одним из первых западноевропейцев, кто во время своего путешествия по Монгольской империи совмещал выполнение дипломатических поручений с миссионерской деятельностью. Ранее, в 1245–1247 гг., в ставку монгольского хана (кагана, каана) было отправлено посольство папы римского под руководством Иоанна де Плано Карпини, чьи наблюдения легли в основу трактата «История монгалов, именуемых нами татарами» [1]. Францисканец Андре Лонжюмо был принят в Каракоруме в 1249 г. для переговоров, но его отчет, к сожалению, как исторический источник не сохранился [2, с. 54].

Продолжая практику отправки миссий к монгольским правителям, Европа вновь направила своих представителей в Центральную Азию спустя годы после возвращения Плано Карпини из его длительного и трудного путешествия ко двору великого хана. Эта новая миссия, также состоявшая из монахов-миноритов, действовала в период с 1253 по 1255 г. Французский король Людовик IX направил монаха-францисканца Гильома де Рубрука (ок. 1215–1270 гг.) в Каракорум с дипломатической миссией к монгольскому хану Мункэ. Результатом этой поездки стал труд, написанный на латыни [1, с. 16].

В Западной Европе до появления записей Гильома де Рубрука существовали лишь легендарные представления о христианстве среди центральноазиатских кочевников. В качестве примера можно привести легенду о «Царе Давиде», происхождение которой детально проанализировал историк Р. Хаутала [3, с. 25–49]. Сочинение де Рубрука стало первым источником, содержащим прямые свидетельства о присутствии несториан среди тюрко-монгольских народов [3, с. 25].

Иоанн де Плано Карпини, прибывший в качестве посланника римского папы, первым зафиксировал наличие христиан среди тюрко-мон-

гольских родоплеменных объединений, населявших империю, и их заметное положение при дворе кагана. Он подробно описывает, как хан Гуюк проявлял заботу о христианских клириках, обеспечивая их всем необходимым, и даже приказал поставить при своем парадном шатре христианскую часовню, где совершались богослужения по греческому обряду [1, с. 80]. Исследователь И. В. Антонов, опираясь на данные сведения, предполагает, что именно этот факт может объяснять как нерешительность Гуюка во время похода на православные территории, так и его стремление избежать столкновения с аланами и древнерусскими княжествами [4, с. 30].

Будучи христианским миссионером, Гильом де Рубрук активно исследовал восточнохристианские общины в Монгольской империи. Его отчет представляет собой обширные сведения о несторианах, включая подробности образа жизни и религиозной практики, как мирян, так и представителей духовенства.

Численность посольства Гильома де Рубрука была невелика, если судить по стандартам того времени. В его команду входили Бартоломео из Кремоны и молодой клирик Гильом Госсель. Также с ними путешествовал толмач, чьи языковые навыки оказались недостаточными для де Рубрука, и юный Николай, которого он купил у работорговцев в Константинополе [1, с. 16].

По прибытии в Солдайю, Гильом де Рубрук и его делегация предприняли сухопутное путешествие на север. Их маршрут пролегал через Перекоп и бескрайние южнорусские степи, ведя к территориям, подвластным Сартаку, сыну правителя Улуса Джучи, а затем и к самому Бату, чжувану (правителю улуса из династии Чингизидов, не носившему титул хана), кочевавшему в Поволжье. От Бату французский посланник с членами его дипломатической миссии был отправлен в Каракорум, к Мункэ-хану [1, с. 17]. В 1254 г. Гильом де Рубрук завершил свое странствие, а через год после возвращения в Акру закончил работу над своим путевым описанием [1, с. 17].

После пребывания в ставках Бату и Сартака на территории Улуса Джучи посольство де Рубрука направилось в Каракорум через земли Чагатаидов. По прибытии на территорию современной Монголии первым несторианином, с которым встретился французский посол, был «главный секретарь», т. е. «улуг битикчи»: «Затем пришел повидать нас великий секретарь, христианин из несториан, по совету которого делается почти все [при дворе]» [1, с. 137]. Преимущественно уйгуры, приверженцы несторианства, буддизма и манихейства, назначались на эту должность.

Обосновавшись в предоставленном помещении при дворе кагана, Гильом де Рубрук приступил к поискам других построек. Вскоре он обнаружил на территории ставки здание, которое посчитал «христианским»: «Тогда, сильно обрадовавшись и предполагая, что там находится что-нибудь христианское, я вошел с уверенностью и нашел алтарь, убранный поистине красиво. Именно по золотой материи были вышиты или настланы (“brosdate sive bistrate”) изображения Спасителя, святой Девы, Иоанна Крестителя и двух ангелов, причем очертания тел и одежд были расшиты жемчугом. Здесь же находился большой серебряный крест, с драгоценными камнями по углам и в середине, и много других драгоценных украшений

(“philateria”), а также перед алтарем горела лампада с маслом, имевшая восемь святилен» [1, с. 137].

Анализируя описание храма, оставленное де Рубруком, можно заключить, что он действительно имел черты христианской культовой постройки. Тем не менее обнаружение изображений Иисуса и святых наводит на мысль, что данный храм мог не относиться к восточносирийскому христианству (несторианству), поскольку для этой традиции не характерно почитание икон. Следует также учитывать возможность существования на территории ханской ставки общин, принадлежащих к иным течениям восточного христианства.

Поскольку исторические источники не содержат прямых указаний, вопрос о наличии мелькитов среди тюрко-монголов и уйгуров Турфанского идыкутства остается нерешенным. Однако, учитывая существование мелькитских общин (сирязычных христиан, принявших решения Халкидонского собора 451 г., в отличие от несториан и яковитов) в оседлых земледельческих регионах Центральной Азии, нельзя полностью исключить возможность их миссионерской деятельности среди кочевых тюрко-монгольских племен и уйгуров [5, с. 288]. Более того, еще до путешествия Гильома де Рубрука папский посол Иоанн де Плано Карпини сообщал о присутствии христиан «греческого обряда» при дворе хана Гуюка, что косвенно подтверждает эту вероятность.

Следует отметить, что на протяжении всего путешествия по Монгольской империи помимо несториан Гильом де Рубрук встречал и последователей иных христианских конфессий — византийского православия, григорианства и католицизма. Нередко одни и те же личности были отнесены французским послом к последователям разных восточнохристианских течений. В разделе о «лжемонахе» Сергии, который объявил себя послом государства крестоносцев, де Рубрук в разных фрагментах называет его «несторианским» и «армянским», вероятно, так и не определив его конфессиональную принадлежность. Целью Сергия было ввести в заблуждение Мункэ, пообещав покорность папы с целью склонить его к союзу папы и «франков» [1, с. 138].

Согласно Гильому де Рубруку, Сергей совершает обман по неясной причине, но у нас есть основания полагать, что данный монах мог в действительности выполнять возложенную на него дипломатическую миссию, так как представители несторианского и григорианского духовенства часто выступали посредниками в переговорах между христианскими и монгольскими правителями и военачальниками.

Помимо введения в заблуждение хана, монах Сергей пытался совершить то же действие и с де Рубруком, убеждая его, что Мункэ принял христианство и «верит только христианам» [1, с. 145], что также может говорить о выполнении им роли дипломата. Во-первых, Сергей явно заинтересован в том, чтобы убедить и монгольскую, и «христианскую» стороны в союзе. Во-вторых, введение в заблуждение иноземных правителей по поводу готовности принятия христианства тем или иным Чингизидом являлось распространенным монгольским дипломатическим приемом в более поздние периоды [6, с. 8].

Во время второго посещения двора кагана перед самой аудиенцией французского посла встретили несторианские священники, которые вна-

чале усомнились в христианской принадлежности его посольства. Здесь мы находим сведения о внешнем виде священников — косвенное упоминание о ношении ими бороды (т. е. о том, что принадлежность к христианскому священству ассоциировалась у них с ношением бороды). Они усомнились в христианской принадлежности прибывших францисканцев, так как их бороды сбриты, как у «тиунов», т. е. буддистов. Отмечает также, что его переводчиком при дворе был несторианин, что, как и в случае с главным битикчи, говорит о широком присутствии несториан в канцелярии Чингизидов.

Несмотря на то, что во время прибытия в ставку, как было сказано выше, несториане отнеслись к де Рубруку настороженно, именно они позаботились об обеспечении посольства едой и одеждой после пира при ханском дворе. Это происходило в условиях голода, судя по упоминаниям большого количества людей, страдавших от него. «Там я испытал, какое мучение составляет дарить при бедности» [1, с. 138], — с благодарностью отмечает французский посол.

Проведение обрядов разных религий при дворе и допустимость для представителей несторианского духовенства участия в различных ритуалах вместе с шаманами и буддийскими монахами также отражены в записях де Рубрука о пребывании в ставке кагана. Во время празднования начала нового цикла (Цаган Сар) представители несторианского духовенства вместе с шаманами и мусульманами проводили обряд благословения чаши кагана [1, с. 143]. Несторианские священники вместе с монгольскими шаманами принимали участие в освящении дойных кобылиц [1, с. 176].

В традиционной религии монголов важное значение придается прорицателям как посредникам между миром людей и высших сил и толкователям их воли или согласно мировоззрению средневековых монголов [7, с. 122]. Хан Мункэ продемонстрировал свои знания о религиях и проявил интерес к общим чертам и различиям в их учениях. Кроме того, при дворе кагана состоялся религиозный диспут, в котором де Рубрук выступил оппонентом представителя буддийского духовенства. На стороне французского посла-католика выступили христиане-несториане и мусульмане. Данная аудиенция представляла собой своего рода продолжение этого диспута. Возможно, Мункэ-хан хотел больше узнать о религиозных взглядах французского посла. Наиболее вероятно, что хан имел определенные представления о христианском вероучении, так как его мать Сорхохтанибеки являлась несторианкой. Однако сам каган оставался последователем шаманизма и тюрко-монгольского культа Тенгри.

Гильом де Рубрук упоминает, что во время одной из аудиенций каган взял в руки крест, преподнесенный ему несторианами: «Я не видел того, чтобы он поцеловал его или поклонился ему, а хан только глядел на него, спрашивая о чем-то» [1, с. 149]. Вероятно, хан Мункэ здесь действовал так же, как и во время гадания на бараньей лопатке: «Держа их, размышлял о том предприятии, о котором хочет искать совета, приступать к нему или нет» [1, с. 145]. Этап размышления является важной частью гадания. В зависимости от характера трещин на поверхности кости вероятны около ста вариантов ответа на вопрос о будущем [7, с. 122].

Таким образом, один из обрядов традиционной религии монголов хан применяет к предметам культа других религий. По действиям Мункэ-хана видно, что в представлении монголов-политеистов использование пред-

метов культа и символики других религий являлось вполне допустимым, а также отсутствовало представление о необходимости использовать их в обрядах только той религии, к которой относятся эти предметы и символы.

Однако религиозный синкретизм имел место не только у последователей шаманизма и культа Тенгри, но и у несториан. Примером его проявления является вера некоторых священников в реинкарнацию [1, с. 171]. Это может говорить о значительном влиянии на них буддизма и других религий в результате длительного пребывания в инорелигиозной среде — среди буддистов, манихеев и последователей шаманизма и культа Тенгри. Таким образом, веру части несториан территории современной Монголии в переселение душ можно назвать чисто региональной особенностью.

Сведения де Рубрука являются ценным источником информации о влиянии манихеев на несториан, проживавших в тюрко-монгольской среде: «Тогда монах стал говорить: “Разве диавол не принес земли в первый день с четырех стран мира и не создал из образовавшейся грязи человеческого тела, а Бог не вдохнул в него души?” Тогда, слыша знаменитую ересь Манихей и ее столь открытое и бесстыдное провозглашение, я резко выбранил монаха, приказывая ему положить палец на уста свои, так как он не знал Писания, и остерегаться говорить, чтобы не навлечь на себя вины. Но тот и сам начал меня осмеивать за то, что я не знал тамошнего языка» [1, с. 171].

Подобные инорелигиозные влияния на вероучение несториан не наблюдаются в столь многочисленных проявлениях в Передней Азии, где возникло восточносирийское христианство: они не отмечены в записях Рикольдо да Монтекроче, который тщательно старался их «уличить» в «ереси» [8, с. 141–143].

Сведения Гильома де Рубрука о несторианах Монгольской империи сообщают нам об их влиянии не только в государственном аппарате, но и в семьях Чингизидов, в том числе и верховного правителя Еке Монгол Улус.

Гильом де Рубрук в ставке Мункэ-хана посетил юрту его дочери, имя которой было транскрибировано французским послом как «Сирина», «Херина». Девушка и ее покойная мать были христианками [8, с. 150]. Сложно сказать, о какой именно из жен кагана идет речь. Старшей женой Мункэ была Кутукуй-хатун (или Хутухтай-хатун) из племени икирес, которая не была христианкой, по свидетельству самого же де Рубрука. Сведения других авторов о ее христианской принадлежности тоже отсутствуют. Вполне вероятно, что эта женщина-христианка являлась наложницей. Также возможно, что речь идет об Огул-Тутмыш из племени ойрат, так как дочь от нее носила похожее имя — «Ширин» [9, с. 122–127]. Хотя сведения о распространении несторианства среди ойратов XIII в. отсутствуют, не исключен самостоятельный выбор хатун.

Несмотря на то, что Кутукуй-хатун не была христианкой, она вместе с дочерью и старшим сыном принимала участие в несторианских богослужениях. Согласно тексту, она зашла в храм вместе с другими знатными женщинами — «госпожами», что показывает широкое влияние христианства среди монгольской знати. Присутствие на богослужениях и участие в религиозных праздниках представителей монгольской знати, не исповедовавших христианство, было призвано продемонстрировать веротерпимую политику Чингизидов и их покровительство различным конфессиям.

Дальнейшее описание обряда напоминает приватное действие: Затем священники пропели многое, давая ладан госпоже в ее руку, и она полагала его на огонь, а затем они кадили пред госпожой. После этого, когда был уже ясный день, она стала снимать у себя с головы украшение, именуемое «бокка», и я увидел, что голова ее плешива. Тогда она сама приказала, чтобы мы ушли, и, уходя, я увидел, как ей принесли серебряный таз. Я не знаю, крестили они ее или нет, но знаю, что они не совершают обедни в палатке, а в постоянной церкви». Крестили, опуская в купель, которую прежде освящали» [1, с. 145]. Как покажет дальнейший рассказ, это могло быть связано с попыткой вылечить хатун посредством молитвы от неизвестного недуга. Выпадение волос также может быть проявлением болезни, так как брить частично головы в Монгольской империи было положено только мужчинам [10, с. 63–68]. Кроме того, в другой части текста де Рубрук пишет, что он вместе с Сергием «лечил» Кутукуй «от демонов».

Во время праздника де Рубруку позволили зайти в часовню и пропеть псалом. «Войдя в часовню, я имел на груди Библию и служебник; Я сперва преклонился пред алтарем, а затем пред ханом, и, пройдя мимо его, мы стали между монахом и алтарем. Затем они приказали нам пропеть псалом по нашему обычаю и петь вообще. Мы им пропели следующую прозу: «Гряди, о Святой Дух» [1, с. 155–156].

Несторианские священники относились лояльно к магическим обрядам. В сыропустную неделю, по словам де Рубрука, соблюдали пост все восточные христиане [1 с. 155–156]. Кутукуй также соблюдала пост, хоть и не была христианкой, и приносила припасы священникам и «другим христианам, которые стекались туда в эту первую неделю в большом количестве для выслушания службы» [1, с. 156].

И на территории Семеречья, и на территории современной Монголии Рубрук отмечает чрезмерное, с его точки зрения, употребление алкоголя несторианскими священниками. Вероятно, это связано с распространением данного явления в среде знати государств Чингизидов и его влиянием на духовенство [11, с. 54–61].

Сведения Гильома де Рубрука о несторианах Монгольской империи позволяют выявить не только инорелигиозные влияния, но и элементы религиозной практики, характерные для восточносирийских христиан и сохранившиеся в тюрко-монгольской среде. Благодаря его записям о постах тюрко-монгольских несториан мы можем сравнить с постами Сирийской церкви Востока в Передней Азии. Французским послом был описан Ионин пост, который является традиционным для сирийского христианства. Также он известен как «Пост ниневитян». В ставке кагана его соблюдали три дня, как и соблюдался данный пост последователями восточносирийского христианства на разных территориях в различные периоды [5, с. 355]. Несмотря на религиозный синкретизм и слабые связи с духовенством Передней Азии, монголы и тюрки-христиане не пренебрегали постом [1, с. 148].

Заслуживают внимания описания случаев обвинений дворцовых слуг ханской семьи в колдовстве. Нам они интересны тем, что в них также упоминаются несториане и наличие церковных судов у духовенства восточносирийских христиан Монгольской империи. Жена несторианского священника, прислуживавшая одной из жен хана, была обвинена в колдовстве. Женщина была казнена, а ее муж отправлен на церковный суд и был им оправдан [1, с. 176–178].

Результаты

Данные записей Гильома де Рубрука о несторианах при дворе великого хана (кагана, каана) Монгольской империи позволяют сделать вывод об их широком влиянии среди правящей династии и в государственном аппарате. Также они говорят о религиозном синкретизме, проявлявшемся во влиянии других религий, получивших распространение в Центральной Азии: шаманизма, буддизма, манихейства. Но некоторые черты в религиозной практике тюрко-монгольских несториан, несмотря на отдаленность территории современной Монголии от Передней Азии, сохранились в изначальном виде. Следует также отметить, что некоторые признаки в описании храма позволяют сделать предположение о присутствии среди тюрко-монгольских народов не только несториан, но и представителей других восточнохристианских конфессий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Плано Карпини Джiovанни*. История монголов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. статья, примеч. Н. П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.
2. *Хеннинг Р.* Неизвестные земли: в 4 т. Т. 3. / пер. с нем. Л. Ф. Вольсон, Р. З. Персиц; отв. ред. А. Б. Дитмар. М.: Изд-во иностранной литературы. 1963. 469 с.
3. *Хаутала Р.* История деяний Давида, царя Индий (1221): латинский текст, перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4. С. 25–49.
4. *Антонов И. В.* Гуюк в Великом западном походе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22. С. 26–33.
5. Бируни. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1957. 457 с.
6. *Юрченко А. Г.* Золотая Орда. Между Ясой и Кораном. Начало конфликта. Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.
7. *Тугутов А. И.* Гадание и традиционное мировоззрение монголов // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2008. № 2. С. 115–124.
8. Книга странствий / пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и ком. Н. С. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. 320 с.
9. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Наука, 1960. Т. 2. 248 с.
10. *Юрченко А. Г.* Монгольская мужская прическа XIII века // *Mongolica*—VI. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 63–68.
11. *Гатин М. С.* Об употреблении алкогольных напитков кочевниками Улуса Джучи Великой Монгольской империи в XIII веке (по сведениям нарративных источников) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 2. Казань, 2013. С. 54–61.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 04.12.2025; accepted for publication 09.12.2025.

Информация об авторе:

С. Е. Костокрызова — архивариус Казанского кооперативного института, магистр истории искусств тюрко-мусульманского мира.

Information about the Author:

S. E. Kostogryzova — archivist at the Kazan Cooperative Institute, Master's degree holder in the Art History of the Turkic-Muslim world.